

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ПСЕВДОКОММУНИКАЦИЯ VS КВАЗИКОММУНИКАЦИЯ

Е.К. Черничкина¹, О.В. Лунева²

¹Волгоградский государственный социально-педагогический университет
пр. Ленина, 27, Волгоград, Россия, 400066

²Волгоградский государственный институт искусств и культуры
ул. Циолковского, 4, Волгоград, Россия, 400001

Статья посвящена анализу таких специфических форм общения, как квази- и псевдокоммуникация. Уточняется понимание данных терминов, которые иногда используются как взаимозаменяемые. Цель проведенного исследования, представленного в данной статье, — обнаружить и описать существующие различия и сходства рассматриваемых коммуникативных феноменов на основе теоретического и эмпирического анализа исследуемого материала на русском и английском языке. Материалом исследования являются фрагменты художественной коммуникации, сценарии фильмов, анекдоты, газетные публикации, картотека записи устной речи на русском и английском языках. В своей работе авторы опираются на следующие методы исследования: метод дефиниционного анализа (с помощью которого был уточнен терминологический аппарат исследования), метод лингвистического наблюдения и интроспекции (для отбора коммуникативных ситуаций), описательно-аналитический метод и метод сопоставительного анализа (для выявления сходства и различия исследуемых явлений), а также конверсационный анализ, позволивший проследить результативность общения, и др.

Авторы рассматривают коммуникативные характеристики и анализируют причины появления и распространения на современном этапе этих форм общения. Предлагается классификация возможных форм их реализации в разных дискурсах. Псевдокоммуникация и квазикоммуникация характеризуются фиктивностью общения и определенным нарушением коммуникативной модели. При псевдообщении имеет место смысловой диссонанс кодируемой и декодируемой информации. В качестве основных параметров выделения подвидов псевдокоммуникации предлагаются полнота понимания, интенциональность и этап коммуникативного действия, где происходит коммуникативный сбой. Подчеркивается необходимость отличать случаи псевдообщения от фатической и непрямой коммуникации. Квазикоммуникация характеризуется отсутствием реального партнера и адекватной обратной связи. По мнению авторов, любой вид коммуникации может принимать форму квазиобщения. Предварительные результаты сопоставительного анализа показали, что данные типы коммуникации в равной степени свойственны как русскому, так и английскому коммуникативному поведению. Авторы подчеркивают значимость и перспективу изучения и научного анализа этих явлений с позиции коммуникативистики и лингвоэкологии, в том числе в сопоставительном аспекте, что может представлять научный интерес для лингвистов, а также и для специалистов по теории межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: фатическая коммуникация, декодирование информации, экологичность общения, псевдокоммуникация, квазикоммуникация.

1. ВВЕДЕНИЕ

Мы живем в эпоху появления новых форм и видов общения, чаще опосредованного и поверхностного характера, что связано с расширением коммуникативного пространства (общение по скайпу, форумы и чаты, комментарии в Instagram и т.д.) и это, несомненно, диктует необходимость их научного обоснования и анализа. Предметом нашего анализа являются такие виды коммуникации, как квази- и псевдообщение. В качестве задач своего исследования в формате данной статьи мы рассматриваем уточнение сущности и дифференциацию этих форм коммуникации, а также описание возможных вариантов их реализации. При этом мы не ограничиваем свое рассмотрение анализом общения только в рамках бытового дискурса, но и рассматриваем случаи проявления квази- и псевдокоммуникации институционального формата. Материалом исследования являются фрагменты художественной коммуникации, скрипты фильмов, анекдоты, газетные публикации, картотека записи устной речи на русском и английском языках.

Несмотря на кажущуюся этимологическую схожесть этих понятий (согласно словарным статьям и *квази-*, и *псевдо-* трактуются как нечто *мнимое, ложное*), лингвисты пытаются описать и дифференцировать данные феномены, делая акцент на специфике подобной коммуникативной деятельности.

Анализируя существующие исследования по данному вопросу, мы столкнулись с разными трактовками квази- и псевдокоммуникации. Так, согласно Н.Л. Грейдиной [5], квазикоммуникация и псевдокоммуникация дифференцированы по категориям «частичное понимание» (квазикоммуникация) и «абсолютное непонимание» (псевдокоммуникация).

Т.М. Дридзе, подчеркивая иллюзорность как отличительную черту этих видов общения, определяет псевдокоммуникацию как общение, когда при передаче информации отсутствует адекватная реакция. В то время как при квазикоммуникации не происходит обмена информацией и отсутствуют какие-либо коммуникативные интенции сделать это [4. С. 73—83]. В то же время ряд ученых (Л.Н. Федотова, Л.Н. Цой и др.) подчеркивают отсутствие адресата как основной отличительный фактор квазиобщения [14; 17]. Если, по мнению И.В. Пономаревой, именно беспредметность выступает в качестве основного признака псевдокоммуникации [12], то Б.Ю. Норман, рассматривая псевдовысказывания, считает их «продуктом речевой деятельности, который: а) не вызывается к жизни истинной (первичной) коммуникативной потребностью и соответствующим намерением говорящего; б) не имеет за собой конкретной референтной ситуации и в этом плане его смысл следует считать условным или искусственным» [10. С. 36].

Суммативный результат анализа теоретического поля исследования послужил для нас основанием сделать следующие выводы: во-первых, и тот, и другой вид общения представляют собой фиктивную коммуникацию; во-вторых, специфический характер данных видов общения является следствием определенной «ущербности», поскольку нарушается базовая модель эффективного диалога. Согласно выводам российских и зарубежных лингвистов, воспринимаемых уже аксиоматично [9; 18; 19; 23; 24; 21 и др.], конституирующими элементами любого ком-

муникативного акта являются: адресант, адресат, код, контекст, канал связи, сообщение (и, следовательно, стоящее за ним коммуникативное содержание), интенции коммуникативных партнеров [6. С. 28; 22], коммуникативное пространство, на базе которого происходит общение, добавим еще и обратную связь в виде коммуникативного эффекта, а также временной или дейктический фактор. Рассмотрим подробнее, в чем проявляется специфика псевдо- и квазиобщения при реализации традиционной коммуникативной модели.

2. ПСЕВДОКОММУНИКАЦИЯ: ПРИЧИНЫ, ВИДЫ

В случае с псевдокоммуникацией «ущербность» обнаруживается в расхождении смысла отправляемой и получаемой информации, что, в первую очередь, связано с нарушением адекватной обратной связи со стороны реального партнера. Неоднородность рассматриваемых нами примеров подобного общения побудила нас структурировать возможные подвиды псевдокоммуникации, опираясь на определенные критерии: полнота понимания, мотивированность достижения взаимопонимания, этап «раскоординации/разбалансирования» смысла (декодирование/кодирование).

Расхождение смысла посылаемой и получаемой информации, что связано с проблемой понимания, безусловно, чаще всего происходит на этапе декодирования. Здесь мы согласны с позицией Н.Л. Грейдиной, которая выделяет в качестве подтипов псевдокоммуникации:

— *ложное декодирование* (коммуникант неправильно понимает основные и второстепенные элементы):

Преподаватель спрашивает студентку-первокурсницу:

— *Расскажите про поляризацию света.*

— *А я не Света, я — Наташа!*

— *некорректное декодирование* (коммуникант акцентирует внимание на второстепенных элементах, пропуская основные) [5]:

— *Пожалуйста, охарактеризуйте себя тремя словами.*

— *Не понял вопроса.*

Подобные коммуникативные сбои при декодировании могут быть обусловлены как лингвистическими причинами (фонетическими, лексическими или стилистическим барьерами, амбигуэнтностью сообщения), так и иметь экстралингвистический характер, определяясь статусной, возрастной или эмоциональной асимметричностью коммуникантов, а также уровнем общей компетенции партнеров. Большинство анекдотов про блондинок, понимающих все буквально, представляют подобный пример псевдообщения:

Блондинка заказывает пиццу. Ее спрашивают:

— *Вам разрезать ее на 12 или на 6 частей?*

— *На шесть, двенадцать я не съем.*

Также эмоциональный диссонанс коммуникантов может быть причиной коммуникативного сбоя, что способствует неэкологичности общения.

В следующем примере муж, настроенный игриво, игнорирует эмоциональное состояние супруги, «ведя» свою тему, чем еще больше увеличивает эмоциональное непонимание, приводящее в конечном итоге к скандалу.

Carolyn enters through the kitchen, flushed and angry. She just stands there, staring at Lester. After a moment, he looks up at her ...

LESTER

Have you done something different? You look great.

CAROLYN

(brusque)

Where's Jane?

LESTER

Jane's not home. We have the whole house to ourselves.

He smiles at her playfully. She stares back, annoyed.

(к/ф American beauty)

Иногда и физическое состояние одного из партнеров может перевести разговор на псевдокоммуникативный уровень. Подобным диалогом является монолог разговорчивой жены с уставшим, не проявляющим интереса и в итоге засыпающим мужем:

— *It's getting warmer without AC... should I open the windows?*

— *Ahhh..!*

— *Sometimes I really feel pathetic for the kind of world we are getting our child into... Power cuts, humidity, break in's, terrorist threats.. would he ever get to play with mud/climb trees/make kites/catch butterflies. It's really pathetic, na?*

— *Hmm..!*

— *I think we should start saving for our kid's education, right away so that he doesn't end up working nights. Makes sense, na? You listening?*

— *Snore...snore.*

Одна из причин псевдокоммуникации может заключаться и в том, что, настраиваясь на общение, инициатор разговора надеется на смысловую или эмоциональную реакцию партнера в соответствии со своими ожиданиями, иногда даже игнорируя вербализованный ответ партнера. Своеобразная «глухота» свидетельствует об эгоцентризме, концентрации на собственных переживаниях и ощущениях и проецировании их на собеседника:

Диалог по телефону: — Как у вас дела? — Да, ничего. все нормально. — И у меня плохо.

Неумение выразить свою мысль, что обусловлено или эмоциональным состоянием, или недостаточно развитым уровнем компетенции инициатора разговора может также перевести диалог в форму псевдообщения:

Павел. *Привет, ты меня знаешь?*

Вера. *Привет. Да, кажется, знаю.*

Павел. *На свадьбе у Андрюхи Евсеева, короче.*

Вера. *Да, на свадьбе, помню.*

Павел. *А ты, короче, это, знаешь, чё я смотрел?*

Вера. *Как это?*

Павел. Ну, это, короче. Ну, как объяснить? Ну, ты, короче, помнишь, как мы смотрели?

Вера. Кто мы?

Павел. Ну, я на тебя, а ты на меня? Или ничего этого не было?

Вера. Как это?

Павел. Ты смотрела на меня или нет, короче?

(И. Вырыпаев. Эйфория)

Наряду с фактором полноты понимания при декодировании, значимым, по нашему мнению, выступает фактор интенциональности/мотивированности — нацеленности на взаимопонимание, которое, как известно, выступает основным продуктом, результатом эффективной коммуникации. В случае с псевдообщением может иметь место не только непроизвольное, но и интенциональное искажение получаемой информации при ее декодировании («не хочу слышать, не хочу понимать и принимать получаемое сообщение»). Приведем пример подобного вида псевдокоммуникации межличностного характера, когда один из партнеров не хочет понимать и реагировать в соответствии с ожиданиями адресанта:

Позвонила Клавдия Петровна. — Данилов, ну и как? — А что? — спросил Данилов. — Неужели тебе нечего мне сказать? — А что я должен сказать? — После того, что произошло? — А что произошло? — Ну, хорошо, — сказала Клавдия, помолчав, — а неужели тебе не о чем меня спросить? — А о чем я должен тебя спросить? — Ладно, я сейчас приеду к тебе, — и Клавдия повесила трубку. «Экая баба! — рассердился Данилов. — Даже не поинтересовалась, есть ли у меня время...» (В. Орлов. Альтист Данилов).

Таким образом, мы можем считать содержательно-интенциональный параметр: преднамеренное или помимовольное нарушение смысловой координации в качестве одного из базовых признаков псевдокоммуникации, как проявление своего рода неискренности, что также можно охарактеризовать как нарушение экологичности общения.

Рассматриваемые нами случаи относились к неадекватному декодированию информации, однако псевдокоммуникативное «зерно» общения может возникнуть уже и на этапе кодирования сообщения, подобная псевдокоммуникативность, «затененность» сообщения может быть также интенционально различной. Так, инициатор общения может иметь определенные интенции, не нацеленные на достижение взаимопонимания — запутать собеседника, показать свой высокий профессиональный статус, унизить, отвлечь от темы, переключить на другую тему. Так, «харизматичные» тележурналисты злоупотребляют псевдовысказываниями, не давая слушателям время для их осмысления, да и не ожидая какого-либо понимания. Этим же грешат и предвыборные речи депутатов, скрывающие отсутствие смыслового «зерна».

В то же время достаточно частотны и случаи произвольного смыслового диссонанса. К разновидности псевдокоммуникации можно отнести и случаи, когда в диалоге партнер повторяет, не задумываясь, чужие мысли, при этом зачастую происходит воспроизведение чужих мыслей и суждений без их осознания, коммуникант нагромождает бессмысленные фразы, в которых теряется суть сооб-

щения, в результате чего происходит расхождение смысла переданной и полученной информации. Подобные примеры достаточно частотны в институциональном дискурсе в форме бюрократических тирад и «отписок»: «Нужно обеспечить приведение распространяемой техники в соответствие с нормативной базой»; или «право истца, которое в правовом поле не может быть защищено путем признания его права». «Затененное» содержание непонятно, как правило, не только партнеру, но и самому адресанту, при этом нивелируется и сам предмет беседы, а значит, нарушается принцип экологичности общения.

В качестве одного из признаков псевдокоммуникации, по мнению И.В. Пономаревой, можно рассматривать беспредметность разговора, что подрывает нормальное, полноценное общение, делает его бессодержательным и бессмысленным [12].

Беспредметное, неинформативное общение, как известно [1; 2; 13; 20], представляет собой фатическую коммуникацию — общение ради общения, разновидностями которой являются болтовня, светская беседа и так называемый small talk [7; 15; 25]. Но могут ли они быть отнесены к одному из типов псевдокоммуникации? С одной стороны, это разговор ни о чем. Примечательным в этой связи представляется следующий анекдот:

- Слушай, Миш. А у тебя дурилаг есть?
- Есть. А что, нужен?
- Нет, не нужен.
- А зачем спрашиваешь?
- Да просто так, светскую беседу веду.

Да, это беспредметный разговор, но в нем не наблюдается расхождение смысла передаваемой и получаемой информации. И в рамках этой «пустой» беседы реализуется главная цель коммуникантов — желание пообщаться. Особенно, это заметно в английском коммуникативном поведении, где small talk представляет собой значительную часть национальной лингвокультуры как проявление уважения и внимания к окружающим, поддержание общей оптимистической тональности [7. С. 27—29]. Так, в следующем отрывке эмоциональный настрой героини представляет собой комбинацию грусти по отсутствующему мужу и беспокойству по поводу обсуждения нового проекта. Шутливая ремарка коллеги и выбранный им коммуникативная стратегия — перевести разговор в русло small talk — интенционально направлено на оказание эмоциональной поддержки:

“Ready for the onslaught?” he asked her, handing her a glass of white wine. They stood drinking together for a moment, watching a glorious sunset. — “It’s beautiful here, isn’t it? — “too much so.” It made her sad seeing something like that without Steve to share it with. (D. Steel. Irresistible forces)

Часто подобный разговор является заполнителем паузы, когда молчание слишком красноречиво и требует коммуникативной митигации, как в следующем примере:

Conversation, though in itself a blessed and delightful thing, yet may be sometimes out of place, and wholly impertinent. If wine is a loosener of tongues, surely food is the greatest,

pleasantest, and most complete silencer; for what man when hunger gnaws and food is before him—what man, at such a time, will stay to discuss the wonders of the world, of science—or even himself?

Thus our two young travellers, with a very proper respect for the noble fare before them, paid their homage to it in silence—but a silence that was eloquent none the less. At length, however, each spoke, and each with a sigh.

— *The Viscount.* «*The ham, my dear fellow—!*»

— *Barnabas.* «*The beef, my dear Dick—!*»

— *The Viscount and Barnabas.* «*Is beyond words.*»

Having said which, they relapsed again into a silence, broken only by the occasional rattle of knife and fork.

— *The Viscount (hacking at the loaf).* «*It's a grand thing to be hungry, my dear fellow.*»

— *Barnabas_ (glancing over the rim of his tankard).* «*When you have the means of satisfying it—yes.*» (J. Farol. The Amateur Gentleman)

Мы солидарны с позицией ученых [7; 15; 25], подчеркивающих значимость этикетных условностей как определенного «стержня» для small talk в рамках английской лингвокультуры, однако не можем причислить подобные варианты общения к псевдокоммуникации, т.к. в данном случае отсутствует какое-либо нарушение смыслового унисона партнеров и, несмотря на зачастую примитивный характер предмета разговора, они понимают друг друга, проявляя при этом адекватную реакцию. Достаточно часто инициатор подобного разговора хочет проинформировать — «я хочу пообщаться с тобой, но не знаю, как; не знаю, что будет тебе интересно», при этом задача партнера: прочитать между строк и сделать коммуникативный шаг навстречу, выводящий в более содержательную взаимноинтересную беседу.

В данном аспекте общение иногда приближается к непрямой коммуникации, вид коммуникации, описанный В.В. Дементьевым [2; 3]. Непрямое общение, по дефиниции В.В. Деметьева, представляет собой «содержательно-осложненную коммуникацию, в которой понимание высказывания включает смыслы, не содержащиеся в собственно высказывании, и требует дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата» [3. С. 4]:

— *Тебе там не темно?* — *Нет, все в порядке.* — *Как же в порядке, ты ничего не видишь.* — *Почему, я все вижу.* — *Может, лампу подтянуть?* *Митя поднялся.* — *Ты не понял, мне это не нужно.* — *Я хочу, чтобы тебе было удобней* (А. Володин. С любимыми не расставайтесь).

Обыденный, на первый взгляд, малоинформативный, диалог по сути своей является декларацией глубоких чувств по отношению к партнеру, однако для того, чтобы адекватно декодировать его, необходимо желание понять смысл вербализованных действий адресанта.

Нельзя в этой связи не согласиться с поэтом:

Беспредметный разговор,

Куда более предметен,

Чем предметный глупый спор:

Только глупый спор — конкретен. (Сергей Копьев)

Непрямая коммуникация приобретает форму псевдообщения, когда речевой партнер не хочет или не в состоянии осуществить эти «интерпретативные усилия» и посылаемое адресантом сообщение не воспринимается адресатом адекватно.

Таким образом, как мы видим, разграничивая случаи псевдокоммуникации, фатического общения и не прямой коммуникации, необходимо ориентироваться на содержательно интерпретативный фактор, а именно наличие координации смысла при кодировании и декодировании отправляемой и полученной информации. Взаимопонимание партнеров — основной показатель успешной коммуникации, а взаимопонимание и представляет собой «совпадение объемов информации, зашифрованной в сообщении адресантом и верно расшифрованной адресатом» [8. С. 138]. Учитывая это, можно с уверенностью сказать, что любой подвид псевдообщения представляется неэкологичным, разговором на разных языках, нарушающим основные максимы общения.

2.3. КВАЗИКОММУНИКАЦИЯ

Рассматривая еще один феномен фиктивной коммуникации — квазиобщение, отметим, что специфическая «ущербность» данной формы общения проявляется в отсутствии обратной связи, что связано со степенью интеграции факторов адресанта и адресата. Американские исследователи-лингвисты (С. Тренхолм и др.), анализируя коннотацию самого термина «коммуникация», выделяют сему “*munia*”, означающую “*mutual help, exchange, interaction of those belonging to the same community*” [26. С. 7], акцентируя тем самым внимание на социальном характере коммуникации. Достижение взаимопонимания может выступать одновременно и как цель, и как продукт коммуникативной деятельности, имея четко выраженный социальный характер.

Двусторонний характер коммуникативного акта представляется аксиоматичным, следовательно, правомерно предполагать, что для коммуникации необходимо наличие хотя бы двух партнеров. Однако специфика квазиобщения связана именно с отсутствием непосредственной обратной связи в реальном коммуникативном формате, что понимается нами в качестве ключевого параметра определения квазикоммуникации.

Основная функция подобного общения — экспрессивная, как самовыражение. Человеческая потребность в общении во многом зиждется на желании поделиться своим мнением, мыслями, эмоциями, поэтому при отсутствии реального коммуникативного партнера появляется квази-партнер. Позволим себе предположить, что квазикоммуникация — это не специфический отдельный вид общения, а форма, в которой может осуществляться любой традиционно выделяемый вид коммуникации. Таким образом, мы можем выделить такие подвиды квазикоммуникации, как:

1) *внутриличностная монокоммуникация* — разговор с самим собой на уровне внутренней речи как поток сознания;

2) *монокоммуникация на уровне внешней речи* — разговор с собой вслух (при отсутствии возможных наблюдателей-слушателей) или разговор с виртуальным партнером. В качестве квазипартнера выступает воображаемый партнер, фото-

графия, животное, предмет. Например, включая телевизор — *Ну и что вы нам тут показываете?*

Аналогичные примеры частотны и для коммуникативного поведения англичан, когда простой комар выступает в качестве партнера по общению:

When the mosquito buzzed the side of her face again, she slapped it briskly and looked with satisfaction at the small bloody smear in the cup of her palm.

"Thought I was unloaded, partner, didn't you?" she said. (S. King. The girl who loved Tom Gordon);

3) *межличностная квазикоммуникация монологического характера*, когда от партнера не требуется никакая реакция:

Пора спать, — вопросительно сказала Соня. — Послушай, — и Алексей Юрьевич, не взглянув на нее, принялся зачитывать вслух свои бумаги. Алексею Юрьевичу ее отклик не требовался, даже «м-м, да, ага...» не требовалось, он просто приводил свои мысли в порядок и мог зачитывать свои бумаги все равно кому, даже телевизору. Но если Головин в чем-то и зависел от жены, то только в этом — ему нужно было, чтобы он бубнил, а она сидела (Е. Колина. «Умница, красавица»).

Приведем подобный пример и из английской художественной коммуникации, когда отец, обращая свой достаточно пафосный диалог к сыну, по сути, переводит его в формат монолога, не желая даже слышать робкие попытки сына как-то отреагировать:

— If you 'd only followed your nat'ral gifts, Barnabas, I say you might ha' been Champion of England to-day, wi' Markisses an' Lords an' Earls proud to shake your hand—if you'd only been ruled by Natty Bell an' me, I'm disappointed in ye, Barnabas—an' so's Natty Bell.»

— «I'm sorry, father--but as I told you...»

— «Still Barnabas, what ain't to be, ain't—an' what is, is. Some is born wi' a nat'ral love o' the 'Fancy' an' gift for the game, like me an' Natty Bell—an' some wi' a love for reading out o' books an' a-cyphering into books—like you: though a reader an' a writer generally has a hard time on it an' dies poor—which, arter all, is only nat'ral—an' there y' are!» ...Not as I quarrels wi' your reading and writing, Barnabas, no, and because why? Because reading and writing is apt to be useful now an' then, and because it were a promise—as I made—to—your mother...

«Yes, father», said Barnabas, with another vain attempt to stem his father's volubility.

(J. Farnol. «The Amateur gentleman»)

К подобному подвиду можно отнести и *монологические* в форме «инсценированных квазидialogов», типичных для детей, исследуемые Т.И. Петровой, в процессе которых происходит совпадение ролей говорящего и слушающего в ходе игровой ситуации [11];

4) *массовая квазикоммуникация*: формы массовой коммуникации могут быть также, в определенной степени, отнесены к исследуемому нами виду общения, поскольку передача информации через масс-медиа предполагает большое количество адресатов или обобщенный образ партнера, квазисность в этом случае проявляется в ориентации на условного среднего зрителя, читателя (например, статьи или шоу для домохозяек);

5) *межкультурное квазиобщение*, происходящее на учебной площадке. Общение на учебной площадке носит доминантно-квазисный характер, учитывая неестественное использование иноязычного кода при общении принадлежащих к одной лингвокультуре партнеров, а также искусственное конструирование ситуаций общения с целью научения. Общение с вымышленным собеседником, с квазипartnerом, управляемый характер учебной интеракции, а также игровой, квазиестественный контекст учебных ситуаций позволяет говорить о «маскарадности» интеракции [16].

Таким образом, квазикоммуникация как фиктивное общение, не нацеленное на реального партнера и не предполагающее адекватную реальную обратную связь, релевантна практически для любого дискурса и, как показали результаты исследования, свойственна и для русского, и для английского коммуникативного поведения. Квазикоммуникация характеризуется разнообразием форм и интенциональной направленностью.

К сожалению, отмечается значительное увеличение доли квазисности в современном общении. С одной стороны, причинами этого является расширение виртуального коммуникативного пространства, а с другой стороны, наблюдается дефицит общения, растущая потребность в самовыражении. С целью компенсировать это нарушение коммуникативно-экологического баланса и появляются всевозможные формы квазиобщения.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В своей работе мы затронули лишь некоторые подвиды псевдо- и квазикоммуникативных форм общения при относительном приближении к данной проблеме, что, позволяет увидеть определенные черты сходства этих коммуникативных феноменов (фиктивность и определенная «ущербность» модели коммуникации), а также их специфические признаки: для квазикоммуникации — это некая монологичность в отсутствии реального адресата; для псевдокоммуникации — это рассогласование смысла кодируемой и декодируемой информации. Нарушение целостности коммуникативной модели представляется неэкологичным, что особенно актуально в случае с псевдообщением. Борьба с псевдовысказываниями, с выхолащиванием смысла, потерей информативности общения решает лингвоэкологические проблемы — сохранения основных ориентиров для языка, а именно адекватной вербализации мысли.

В целом же однозначным выводом нам представляется необходимость более глубокого и всестороннего изучения этих форм коммуникации, в том числе в сопоставительном аспекте, что значимо для расширения теоретического поля коммуникативистики: исследование причин, мотивов, механизма перехода коммуникации в данный формат, а также описание коммуникативного статуса квази- и псевдообщения могут представлять научный интерес и перспективу для лингвистов и специалистов по коммуникативистике и теории межкультурной коммуникации.

© Дата поступления: 21.03.2016
Дата принятия в печать: 24.03.2016

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М., 1993.
- [2] Дементьев В.В. Непрямая коммуникация и ее жанры. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2000.
- [3] Дементьев В.В. Основы теории непрямой коммуникации: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2001.
- [4] Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. М., 1984.
- [5] Грейдина Н.Л. Невербальные лингвокультуры в плоскости межкультурной коммуникации // Россия и Запад: диалог культур. 2014. № 7.
- [6] Лакофф Дж. Прагматика в естественной логике // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. С. 439—471.
- [7] Ларина Т.В. Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах. М., 2003.
- [8] Леонтович О.А. Механизмы формирования комического в межкультурной коммуникации // Аксиологическая лингвистика: игровое и комическое в общении: Сб. науч. тр. / Под ред. В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина. Волгоград: Перемена, 2003.
- [9] Макаров М.Л. Основы теории дискурса: монография. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.
- [10] Норман Б.Ю. Псевдовысказывания как дидактический и лингвокультурный феномен // Вопросы русского языкознания: сб. науч. статей. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2005. Вып. XII: Традиции и тенденции в современной грамматической науке (по материалам Международного конгресса исследователей русского языка: «Русский язык: исторические судьбы и современность»). С. 36—45.
- [11] Петрова Т.И. Инсценированный квазидialog как особый жанр детской речи (на материале речи детей 6—8 лет): Автореф. ... дис. канд. филол. наук. Владивосток, 2000.
- [12] Пономарева И.В. Псевдокоммуникация как результат нарушения принципов вербального общения // Фундаментальные исследования. 2013. № 6—4. С. 1028—1031.
- [13] Почепцов Г.Г. Фатическая метакоммуникация // Семантика и прагматика синтаксических единств. Калинин, 1981.
- [14] Федотова Л.Н. Социология массовой коммуникации. М.: Издательский дом Международного университета в Москве, 2009.
- [15] Фенина В.В. Речевые жанры *small talk* и *светская беседа* в англо-американской и русской культурах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2005.
- [16] Черничкина Е.К. Концепция искусственного билингвизма в теории языка: монография. Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2007.
- [17] Цой Л.Н. Проблемы формирования конфликтологической компетенции управленческих кадров: от теории к практике // Материалы научно-практической конференции «Экстремальные ситуации, конфликты и социальное согласие». М.: Академия управления МВД России и «Институт социологии РАН», 1999.
- [18] Якобсон Р. Избранные работы. М., 1985.
- [19] Berger Charles R. Interpersonal communication: Theoretical Perspectives, Future Prospect // Journal of communication. September 2005. Vol. 55. No 3. P. 415—447.
- [20] Holmes J. Small talk at work: potential problems for workers with an intellectual disability // Research on Language and Social Interaction. 2003. 36 (1).
- [21] Hymes D. Foundations in Sociolinguistics. An ethnographic approach. Philadelphia, 1974.
- [22] Grice H.P. Utterer's Meanings and Intentions // Philosophical Review. 1969. Vol. 78. P. 147—177.
- [23] Griffin E.A. A first look at communication theory / Em Griffin; special consultant, Glen McClish. McGraw-Hill, 2000.
- [24] Littlejohn S.W. Theories of Human Communication (7th ed.). Belmont, CA: Wadsworth, 2002.
- [25] Schneider K.P. Small Talk: Analysing Phatic Discourse. Marburg: Hitzeroth, 1988.
- [26] Trenholm Sarah. Interpersonal Communication / Sarah Trenholm (Ithaca College), Arthur Jensen (Syracuse University). Wadsworth Publishing House. 4-th edition. Copyright 2000 by Wadsworth. A Division of International Thomson Publishing Inc.

PSEUDO-COMMUNICATION VS QUASI-COMMUNICATION

Е.К. Chernichkina¹, О.В. Luneva²

¹Volgograd State Social Pedagogical University
Lenin Ave, 27, Volgograd, Russia, 400066

²Volgograd State Institute of Arts and Culture
Tsyolkovsky str., 4, Volgograd, Russia, 400001

The article is devoted to the analysis of such specific forms of human interaction as quasi- and pseudo-communication. The authors specify the terms which sometimes are used interchangeably. The aim of the conducted research is to find out and demonstrate existing differences and similarities of these communicative phenomena on the basis of theoretical and empirical analysis of the research material in the Russian and English languages. The authors describe communicative features of these phenomena and consider the reasons for such forms of communication and their increased use at present. The research material is represented fiction extracts, film scripts, jokes, print media, a collection of oral speech records both in Russian and English. The authors make use of the following research methods: definitional analysis (to define the terminology of the research), the method of linguistic observation and introspection (to select the communicative situations), the descriptive-analytical method and the method of comparative analysis (to identify similarities and differences of the target phenomena), and the conversational analysis method (to view productivity and effectiveness of a dialogue), etc.

The classification of possible forms of their existence in different discourses is suggested. The authors assume that both pseudo- and quasi-communication are characterized as fictitious forms of human interaction with some noticeable violation of the basic communicative model. Pseudo-communication suffers from the discrepancy of the meaning of a coded and decoded message. The authors put forward the main parameters of scientific classification of it as follows: adequate understanding, intentionality, and the stage of communicative action where the failure takes place. At the same time they stress the necessity to distinguish the cases of pseudo talks from phatic and indirect communication. Quasi-communication is marked by the lack of a real partner and hence the lack of any adequate feedback. The authors assume that any kind of communication can acquire a quasi-form.

The preliminary conclusions of the comparative analysis prove that these kinds of communication are characteristic of both Russian and English communicative behavior. The authors stress the importance and perspective of research and scientific analysis of these communicative phenomena (in its comparative aspect as well) for linguists and experts in the theory of communication, the theory of crosscultural communication, and linguistic ecology.

Key words: phatic communication, information decoding, ecological communication, pseudo-communication, quasi-communication.

REFERENCES

- [1] Vinokur T.G. Govoryashii i slushayushii. Varianty rechevogo povedeniya [A speaker and a listener. Variants of speech behavior]. M., 1993.
- [2] Dement'ev V.V. Nepr'amaya kommunikatsiya i ee zhanry. [Indirect communication and its genres]. Saratov: Izd-vo Saratov. universitet, 2000.
- [3] Dement'ev V.V. Osnovy nepryamoy kommunikatsii [The Basic Points of Indirect Communication: Author's abstract of the thesis of doctor of philology] Avtoref. diss. ... doc. filol. nayk. Saratov, 2001.
- [4] Dridze T.M. Tekstovaya deyatel'nost v strukture sozial'noy kommunikatsii [Texts activity in the social communication structure]. Moscow, 1984.

- [5] Greidina N.L. Neverbalny lingvokulturremy v ploskosti mezhkulturnoy kommunikatzii [Non-verbal lingua-culturerams in the sphere of crosscultural communication]. *Russia and the West: dialogue of cultures*. 2014. № 7.
- [6] Lakoff G. Pragmatika v estestvennoy logike [Pragmatics in natural logic]. *Novoye v zarubezhnoy lingvistike*. M., 1985. Issue. 16: Linguistic pragmatics. P. 439—471.
- [7] Larina T.V. Kategorija vezhlivosti v angliiskoi I russkoi kommunikativnoi kulturakh. [Politeness category in English and Russian communicative cultures]. M., 2003.
- [8] Leontovitch O.A. Mechanizmy formirovaniya komicheskogo v mezhkulturnoy kommunikatzii [Mechanisms of comism formation in crosscultural communication]. *Aksiologikal lingvistika: igrovoye I komicheskoe v obshenii [Acsiological Linguistics: playing and comical in communication]: Sb. nauch, tr.* Ed. V.I. Karasik, G.G. Slyshkin. Volgograd: Peremena, 2003.
- [9] Makarov M.L. Osnovi teorii diskursa [The basics of the theory of discourse]: monografiya. M.: ITDGG «Gnosis», 2003.
- [10] Norman B.Yu. Psevdivyskazyvaniya kak didakticheskiy i lingvokulturny fenomen [Pseudospeech as a didactic and linguacultural phenomenon]. *Voprosy russkogo yazikoznaniya: sb. nauch. stat.* M.: Izd. Moskv. universitet, 2005. Vypusk XII: Traditsii I tendenzii v sovremennoy grammaticheskoy nauke (po materialam Mezhdunarodnogo kongressa issledovatelei russkogo yasyka) «Russkii yazyk: istoricheskii sud'by I sovremennost'» [Moscow University edition, 2005. Issue XII: Traditions and tendencies in modern grammar science (materials of the International Congress of the Russian language researchers) “The Russian language: historical fate and present time”]. P. 36—45.
- [11] Petrova T.I. Inszenirovannyi kvazidialog kak osobyi zhanr detskoj rechi (na material rechi detei 6—8 let) [Dramatised quasi dialogue as a peculiar genre of children's speech]: Aftoreferat. ... diss. kand. filol. nauk. Vladivostok, 2000.
- [12] Ponomareva I.V. Psevdivkommunikaziya kak rezultat narusheniya prinzipov verbalnogo obsheniya [Pseudocommunication as the result of deviation of principles of verbal communication]. *Fundamentalnii issledovaniya*. 2013. № 6—4. P. 1028—1031.
- [13] Pochepov G.G. Faticheskaya metakommunikatzia [Phatic metacommunication]. *Semantika i pragmatika sintaksicheskikh edinstv*. Kalinin, 1981.
- [14] Fedotova L.N. Soziologiya massovoy kommunikatzii [Sociology of mass communication]: «Izdatelskii dom Mezhdunarodnogo universiteta v Moskve» [Publishing House of the International University in Moscow], 2009.
- [15] Fenina V.V. Rechevyi zhanri *small talk* i *svetskaya beseda* v anglo-amerikanskoj I russkoi kulturakh [Speech genres *small talk* and *svetskaya beseda* in English-American and Russian cultures]: Aftoref. diss. ... kand. filol. nauk. Saratov, 2005.
- [16] Chernichkina E.K. Konzeptsiya iskusstvennogo bilingvizmu v teorii yazika [The concept of artificial bilingualism in the language theory]: monografiya. Volgograd: Izdatelstvo VGPU «Peremena», 2007.
- [17] Tsoi L.N. Problemi formirovaniya konfliktologicheskoi kompetenzii upravlencheskikh kadrov: ot teorii k praktike [The problems of formation of management staff conflictological competence] *Materiali nauchno-prakticheskoi konferenzii “Ekstremalnii situazii, konflikts I sozal'noe soglasie”*. M.: Akademia Upravleniya MVD Rossii i “Institut soziologii RAN”, 1999.
- [18] Jakobson R. Izbrannyye raboty.[Selected works]. M., 1985.
- [19] Berger Charles R. Interpersonal communication: Theoretical Perspectives, Future Prospect. *Journal of communication*, September 2005. Vol. 55. No 3. P. 415—447.
- [20] Holmes J. Small talk at work: potential problems for workers with an intellectual disability. *Research on Language and Social Interaction*. 2003. 36 (1).
- [21] Hymes D. Foundations in Sociolinguistics. An ethnographic approach. Philadelphia, 1974.
- [22] Grice H.P. Utterer's Meanings and Intentions *Philosophical Review*. 1969. Vol. 78. P. 147—177.

- [23] Griffin E.A. A first look at communication theory. Em Griffin; special consultant, Glen McClish. McGraw-Hill, 2000.
- [24] Littlejohn S.W. Theories of Human Communication (7th ed.). Belmont, CA: Wadsworth, 2002.
- [25] Schneider K.P. Small Talk: Analysing Phatic Discourse. Marburg: Hitzeroth, 1988.
- [26] Trenholm Sarah. Interpersonal Communication. (Ithaca College), Arthur Jensen (Syracuse University). Wadsworth Publishing House. 4-th edition. Copyright 2000 by Wadsworth. A Division of International Thomson Publishing Inc.